

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ И СУДЬБА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Р.Л. Лившиц

Доктор философских наук, профессор,

независимый исследователь

E-mail: rudliv@yandex.ru

Советский проект рассматривается как продолжение и развитие проекта Просвещения, имеющего своей целью торжество разума. Обобщенно говоря, оно мыслилось как построение рационально организованного общества, в котором люди руководствуются не иррациональной верой, а логикой, опирающейся на факты. Обоснован тезис о том, что русская философия советского периода, развивавшаяся в СССР, – порождение, отражение и значимый фактор реализации советского проекта. Зарубежная русская философия рассматриваемого периода – тоже отражение советского проекта, но только резко критическое и порой просто карикатурное. Высокий общественный статус философии в СССР – не случайная гримаса истории, не ошибка политического руководства, а закономерное выражение сущности советского проекта. После «возвращения России в лоно мировой цивилизации» надобность в сохранении этого статуса отпадает, и философия превращается в «умную ненужность». В новых социальных условиях задача духовного окормления масс возлагается на иные формы общественного сознания и феномены культуры, не ориентированные на формирование самостоятельно мыслящей личности. Русская философская традиция, конечно, не исчезнет, ибо потребность в философском осмыслении мира неискоренима и всегда найдутся люди, которым философия будет интересна. Ключевые слова: русская философия советского периода, советский проект, общественный статус философии, система образования

*Оторвать историю «советской философии»
от истории народа и его культуры невозможно.*

В.Н. Порус [1, с. 161]

Сначала опишем один реальный случай, не называя даты и не приводя конкретных деталей. Итак, в некоем солидном научном журнале была опубликована статья маститого автора. Статья произвела положительное впечатление на студента, который обучался на факультете,

где готовили специалистов по профилю данного журнала. Студент поделился своим мнением в заметке, и ее разместили в факультетской стенгазете. За эту заметку он имел неприятности: его персона стала объектом обсуждения и осуждения на факультете. Мудрое начальство строго указало студенту на то, что он поддержал неправильную позицию, и рекомендовало впредь проявлять большую осмотрительность в выражении своих симпатий. Никаких официальных санкций, правда, не последовало. Ограничились публичным осуждением да публикацией в факультетской стенгазете нескольких заказных студенческих заметок с критикой ошибок этого студента.

А теперь раскроем карты. Журнал, о котором идет речь, – «Вопросы философии». Автор – философ из Ростова-на-Дону М.К. Петров. Статья, из-за которой разгорелся весь сыр-бор, называется «Предмет и цели изучения истории философии». Опубликована во втором номере в 1969 году [2]. Сам М.К. Петров за свои взгляды по решению парткома был уволен из вуза и отстранен от преподавания в вузе. А студент, позитивно отзывавшийся о ней, – автор настоящих строк. Можно по-разному взглянуть на описанную ситуацию. Самый простой и, казалось бы, очевидный способ ее восприятия, – искреннее недоумение и возмущение. Ведь ныне, в 2023 году, всем известно, что любой автор имеет право высказывать любое мнение, лишь бы оно соответствовало профессиональным требованиям. Истина в науке не определяется голосованием, и никаких санкций за особую позицию на ученого накладывать нельзя. Налицо в данном случае административное давление на свободу научного поиска. И уж тем более нельзя осуждать студента, вся «вина» которого состоит в том, что он положительно отзывался о статье, опубликованной в солидном научном журнале.

Но попробуем отрешиться от очевидного (в наши дни) и взглянуть на вещи с другой стороны. Если некий поступок вызывает сильную реакцию других людей (членов парткома или преподавателей факультета, или еще кого-либо), то это значит, что данным поступком затронуто нечто важное, нечто такое, что имеет для общества *существенное* значение. В статье М.К. Петрова речь шла не о политике, как может подумать современный читатель, знакомый с реалиями советского времени лишь с чужих слов, а об античной философии, т.е. о делах и событиях, отстоящих от наших дней на две с половиной тысячи лет. И то, что происходило в духовной жизни античной Греции в те далекие времена, было предметом живого интереса советского философского сообщества. И не только узкого круга профессионалов, но и тех, кто несет прямую ответственность за состояние умов в советском обществе. Точка зрения М.К. Петрова, отличная от общепринятой, воспринималась этими людьми не как извинительное

научное заблуждение, а как покушение на основы, как попытка бросить тень на правоту того дела, которому и те, и эти посвятили свою жизнь. Все это стало возможным по той причине, что философия в советские времена вовсе не была внутрицеховым занятием специалистов, мало кому интересным, а представляла собой одну из духовных опор общества.

В указанной связи Л.А. Мусаелян замечает: «При всех издержках прагматического подхода властей к философии она впервые в истории нашей страны обрела социально значимый статус» [3, с. 82]. Мы совершенно согласны с тем, что советская философия действительно имела высокий общественный статус. Но вот что касается тезиса об «издержках прагматического подхода»... Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Попытаемся изложить свое видение проблемы.

Отправной пункт наших рассуждений – марксистская концепция исторического развития как закономерной смены общественно-экономических формаций. В те времена, когда жили классики марксизма, высшим достижением цивилизации был капиталистический общественно-экономический строй. «Буржуазия, – писали они в своем, пожалуй, самом знаменитом произведении, – менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [4, с. 129]. Исторические обстоятельства сложились так, что феодализм продержался в России до второй половины XIX века. В передовых западных странах к тому времени капитализм уже вполне сформировался и переработал всю толщу общественной жизни. За 56 лет, что были отпущены нашей стране историей, российский капитализм оказался не в состоянии довести до завершения свою цивилизаторскую миссию. В 1917 году общество сорвалось в спираль системного кризиса, из которого не существовало эволюционного выхода. Буржуазное Временное правительство оказалось не в состоянии справиться с валом проблем, захлестнувшим российское общество, и лишь Великая Октябрьская социалистическая революция дала стране шанс на спасение. Взяв власть, большевики взвалили на свои плечи груз ответственности за будущее страны и народа.

Миссия казалась невыполнимой, но всего лишь через 24 года после окончания гражданской войны Россия в облике Советского Союза смогла разгромить фашистскую Германию и ее сателлитов, а еще через 16 лет состоялся триумфальный полет Юрия Гагарина. Такой феноменальный успех нельзя считать результатом везения. Случайно можно одержать победу в отдельном сражении, но для того, чтобы всего лишь за несколько десятилетий привести отсталую страну к вершинам прогресса, нужна

научно выверенная стратегия, соответствующая логике исторического прогресса.

И такая стратегия у большевиков была. В ее основе лежала идея конечного торжества разума, которую марксизм воспринял от Просвещения. Советский проект, в сущности, – продолжение и развитие проекта Просвещения. Идеологи Просвещения подвергали критике феодальные общественные порядки как не соответствующие критериям разумности. Их социальный идеал формировался как антитеза феодализму с его сословной иерархией и безраздельным господством религиозного мировоззрения. Общество, в котором каждый гражданин имеет равное право на свою долю социальных благ, общество, где социальное положение человека определяется не его происхождением, а трудом и талантом, общество, свободное от религиозного мракобесия и принуждения к вере, – таков в общем и целом социальный идеал Просвещения.

Именно им и вдохновлялись большевики, выстраивая систему мер, которая должна была превратить Русь убогую и бессильную в страну могучую и обильную. Путь из мрачного настоящего в светлое будущее мыслился ими не просто как движение от голода к сытости, а как приобщение народа к высотам культуры, к передовым достижениям прогресса. В указанной связи уместно процитировать известные слова В.И. Ленина, произнесенные перед российской молодежью в октябре 1920 года, когда в стране еще полыхал пожар гражданской войны: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [5, с. 305]. Все содержание речи В.И. Ленина не оставляет сомнений в том, что это не какое-то пожелание по частному случаю, не начальственное указание в связи с текущей обстановкой, не рекомендация тактического характера, а программная установка. В ходе создания новых общественных порядков коммунистическая молодежь должна впитать *всю* (прогрессивную) культуру человечества – таков ленинский императив. И она, коммунистическая молодежь, при таком условии сможет стать авангардом общества, вовлечь в процесс созидания и весь остальной народ.

В царской России подавляющее большинство населения было отрезано от благ культуры. К ним была приобщена лишь узкая прослойка образованных людей, в основном выходцев из господствующих классов. Большевики в кратчайший срок превратили советский народ в один из самых образованных народов в мире. От «России, которую мы потеряли», большевикам досталось такое позорное явление, как массовая безграмотность. Она была в кратчайшие сроки ликвидирована. Молодое советское государство создало всеохватывающую систему народного

образования. После периода экспериментов, поисков и метаний, продлившегося до 1931 года, Россия встала на твердую почву национальной традиции, взяв за образец такой тип учебного заведения, как гимназия. В соответствии с общей политикой государства в советской школе не преподавался закон божий. Не преподавались также и мертвые языки, но по причинам, не связанным с политикой и идеологией. Однако главная установка гимназии – формирование целостной личности, способной мыслить системно и видеть взаимосвязь причин и следствий, – была полностью воспринята и творчески развита. По всей стране открывались университеты. Имеет смысл напомнить, что в том же 1920 году, когда еще не была задавлена гидра контрреволюции, декретом Совета народных комиссаров за подписью его председателя В.И. Ленина был учрежден университет в Екатеринбурге. Одновременно создавались десятки и сотни новых научных учреждений, расширялась сеть имеющихся. Массовыми тиражами издавалась художественная литература, открывались новые театры, библиотеки; широкие народные массы получили доступ к сокровищам отечественной и мировой культуры. До революции произведения Пушкина были известны только образованной публике, т.е. нескольким десяткам тысяч человек. После революции их прочитали и полюбили десятки миллионов. А ведь это высокая культура, одно из ее наиболее совершенных проявлений. При большевиках русский язык обрел статус мирового, чего прежде никогда не было. Не в последнюю очередь это случилось по той причине, что на язык Гоголя и Пушкина были переведены все шедевры мировой литературы. Труд переводчиков организовало и оплатило советское государство, оно же обеспечило издание произведений. Лучшие книги советских и иностранных авторов издавались колоссальными тиражами. Поэзия – это благоуханный цветок национальной культуры – пользовалась огромной популярностью, в наши дни трудно представимой.

В каком-нибудь документе, даже очень высокого ранга, можно декларировать отказ от государственной идеологии. Так, мол, и так: в государстве Икс доминирующая идеология отменится. Но в реальности, конечно, государства без господствующей идеологии не существует. Вопрос состоит лишь в том, какова эта идеология, на что опирается, какие принципы проводит в жизнь. Абстрактно рассуждая, большевики, создавая свое государство, могли апеллировать к религиозному чувству масс. Поскольку народ веками кормили религиозной пищей и подавляющее большинство людей было отчуждено от передовых достижений мировой культуры, пребывая, так сказать, в интеллектуальной спячке, сделать это не составляло особого труда. На возможность именно такого выбора указывает факт существования в

большевистской среде богоискательских и богостроительских умонастроений. Однако они шли вразрез с общим замыслом большевиков, противоречили идеалу Просвещения и по этой причине не имели реальных шансов на поддержку со стороны ядра большевистской партии. И вполне закономерно выбор был сделан в пользу мировоззрения, апеллирующего не к религиозному чувству, а к сфере разума.

Идеология советского государства с самого начала строилась как идеология, взывающая к человеческому разуму, опирающаяся на него. Такая идеология нерасторжимо связана с философией, ибо последняя есть не что иное, как рационально осмысленное мировоззрение. Поэтому именно философии отводилась роль ядра идеологии, ее духовного стержня. Философия в рамках советского проекта изначально мыслилась не как занятие высококолобых интеллектуалов, интересное только им самим. Нет, она представляла собой важнейший элемент этого проекта, часть общепартийного дела. Перефразируя Маяковского, можно сказать, что перо философа было приравнено к штыку, чугуну и выплавке стали. Естественно, речь не могла идти ни о какой другой философии, кроме марксистской, ибо только марксизм способен выполнить роль идеологического обоснования построения общества, в котором ликвидирована эксплуатация человека человеком. Таким образом, высокий общественный статус философии в советском обществе, – не случайная гримаса истории, не следствие заблуждения, ошибки или тщеславия вождей, желающих снискать себе славу крупных философов, а результат осознанной стратегической линии на реализацию вполне определенного социального идеала. Большевики в своем отношении к философии руководствовались не прагматическими, а доктринальными соображениями.

Свидетельств высокого общественного статуса философии в советском обществе более чем достаточно. Так, в Советской России в 1918 году, всего лишь через несколько месяцев после революции, была создана Социалистическая академия – научное учреждение, в задачи которого входила разработка проблем философии. Потом, после ряда слияний, разделений, преобразований и переименований, в 1936 году учреждается Институт философии АН СССР, который и поныне (под несколько измененным названием) является одним из важнейших центров философской мысли не только в нашей стране, но и в мире. Институт несколько десятилетий располагался на Волхонке, 14, т.е. на расстоянии двухсот метров от кремлевской стены. Тот, кто скажет, что этот факт не имеет ни малейшего значения, живет в ирреальном мире. Место, в котором мы располагаемся в пространстве, всегда символично. Географическая близость какого-либо учреждения к центру власти –

недвусмысленное свидетельство того, что оно играет важнейшую роль в государственном организме. Когда советский проект был закрыт, Институт философии через некоторое время переместили на улицу Гончарную, 12, где он теперь и располагается. В смысле практическом новое здание безусловно лучше прежнего, однако почему в таком случае сотрудники Института философии на протяжении нескольких лет протестовали против переселения? И вместе с ними выражала свой протест вся философская общественность страны. (Приходилось высказываться по этому поводу и автору настоящих строк [6]). Ответ лежит на поверхности: власть своими действиями показывала, что для нее Институт философии – рядовое научное учреждение, одно из многих. Ну а философия, соответственно, – всего лишь дисциплина из великого множества других. А в 2015 году решением Высшей аттестационной комиссии научной дисциплиной была признана теология. В сущности, это решение – пощечина всему философскому сообществу и вместе с ним – и всей российской науке.

Поскольку философии придавалось такое большое общественное значение, постольку по всей стране было развернуто ее преподавание. Некоторые азбучные истины философии излагались в школьном курсе обществоведения, с основами философских знаний знакомились члены партии, обучавшиеся в системе политической учебы. Когда были созданы подходящие условия, курс философии ввели во всех вузах страны в качестве обязательной дисциплины, причем в весьма приличном объеме, дифференцированном в зависимости от характера получаемого образования. Аспиранты всех специальностей сдавали кандидатский минимум по философии. Была развернута подготовка философских кадров в ряде крупных университетов. Для преподавателей философии, как и для других гуманитариев в вузах, советская власть установила щадящую учебную нагрузку, препятствующую эмоциональному выгоранию. Уровень оплаты труда преподавателей, имеющих ученые степени, обеспечивал им материальное благополучие и достойное положение в обществе. Таким образом, профессиональные занятия философией открывали неплохую перспективу успешного продвижения по лестнице социальных позиций. И потому философия обладала немалой привлекательностью для молодежи.

Но такое положение вещей неизбежно сопряжено с рядом опасностей. Во-первых, с опасностью догматизации и вульгаризации философии. Преподавание любой дисциплины требует ее упрощения, и философия не является исключением. Любой профессионал знает, что самый трудный жанр – учебник. От автора требуется просто, ясно и понятно объяснить неподготовленному или слабо подготовленному читателю истины,

которые заведомо не являются простыми и легкими для понимания. А еще если этому читателю философия совсем не интересна! И как соблюсти грань, отделяющую полезное упрощение учебного материала от вульгаризации, которая заведомо вредна? Способность писать учебники дана немногим, это очень редкий талант. Не случаен тот факт, что удачных учебников по философии крайне мало. Но и в рамках профессионального дискурса догматизация и вульгаризация – вовсе не абстрактные возможности. Любое профессиональное сообщество включает в себя, помимо мэтров, некоторое количество крепких специалистов, а также тех, чей уровень подготовки средний или даже ниже среднего. Тот, кто когда-либо занимался редактированием философских текстов, на личном опыте знает, как много поступает в редакцию материалов откровенно слабых, содержащих массу теоретических, фактических и всяких иных ошибок. Ждать от подобных специалистов виртуозного владения философской теорией по меньшей мере нереалистично. Дело обстоит именно таким образом в настоящее время, но это не значит, что раньше было намного лучше.

Во-вторых, высокий статус философии в советский период нашей истории таил в себе еще одну серьезную опасность. Любая престижная область деятельности привлекает к себе не только способных, энергичных и трудолюбивых людей, но и всякого рода приспособленцев и карьеристов. О таких «псевдофилософах» пишет, например, Н.В. Мотрошилова. Так, по ее оценке, в работах академиков Ф.В. Константинова и П.Ф. Юдина «слой “философских оснащений”, добытый, как правило, референтами, был настолько тонок и скромн, что и обсуждать тут, в сущности, нечего» [7, с. 69]. Что касается другой звезды на тогдашнем философском небосклоне, академика М.Б. Митина, то, по ее свидетельству, дело обстояло несколько сложнее. Некоторые труды, подписанные его именем, имели отношение к философии, но только их писали референты, причем нередко небрежно и халтурно. Более того, доказано, что М.Б. Митин не брезговал и вульгарным плагиатом [7, с. 69]. Подобные факты вызывают справедливое возмущение, однако не следует экстраполировать их на все, что делалось в области философии в советский период. Как верно замечает С.М. Климова, «сейчас легко делить всех на “правых” и “левых”; запросто осуждать партийцев и номенклатурщиков, хвалить и сочувствовать “пострадавшим от системы”». В жизни все намного сложнее» [8, с. 141].

В этой связи хотелось бы сделать одно методологическое замечание. Советская Атлантида утонула три десятилетия назад, пока еще память о ней живет в сознании современников, пока еще продолжают активно трудиться многие из тех, кто жил и действовал в советское время. Они,

естественно, делятся воспоминаниями, и потому значительная (если не основная) часть литературы о советской философии – мемуары. Да, это ценный исторический источник, однако доверять ему можно лишь с известной осмотрительностью. Так, в 2013 году академик В.А. Лекторский, делясь своими воспоминаниями, заявил: «Никакой философской глубины в книге Ленина (“Материализм и эмпириокритицизм” – Р.Л.), конечно, нет» [9, с. 174]. Этим заявлением Владислав Александрович ясно дал понять, что в противостоянии «новаторов» и «догматиков-ортодоксов» он всегда был на стороне первых. Что ж, заглянем в коллективную монографию «Ленин. Философия. Современность», изданную в 1985 г. [10]. Читаем: «Философское наследие В.И. Ленина во всех своих аспектах имеет непреходящий характер» [10, с. 147]. Перелистываем страницу и находим следующие слова: «Марксистско-ленинская теория познания, как показано в классических работах В.И. Ленина, основывается на диалектико-материалистической *теории отражения* [10, с. 149]. Совершенно справедливое утверждение. И одной из таких классических работ является как раз «Материализм и эмпириокритицизм». Основная идея теории отражения выражена в ней во множестве формулировок, как всегда, по-ленински чеканных. Вот, например, в такой: «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм» [11, с. 159]. Интересный вопрос: кому принадлежит процитированная нами комплиментарная фраза о вкладе Ленина в теорию познания? Ответ находим на странице, где дан список авторов: В.С. Швыреву и В.А. Лекторскому. Вероятней всего, восторженные слова о ленинской теории отражения написаны первым, а сам В. А. Лекторский за них ответственности не несет. Но В.С. Швырев покинул нас за пять лет до цитированного интервью, так что проверить это предположение невозможно.

Теперь о соотношении философии и идеологии. Нам уже приходилось высказываться по этой теме [12; 13; 14, с. 308–353], желающие имеют возможность с нашей позицией ознакомиться. Коротко говоря, мы исходим из идеи неустранимости идеологии из социально-гуманитарного познания вообще, из философии в частности. Как писал замечательный русский философ-марксист А.Н. Тарасов, «нет неидеологизированных философских систем. Есть лишь люди, не желающие (из корыстных соображений) или не способные (по причине умственной ограниченности) это понять» [15]. Русская философия советского периода была, естественно, идеологизирована. И было бы нелепо утверждать, что это касается только той философии, которая

соответствовала интенциям советского проекта. Нет, у советской власти всегда хватало недоброжелателей и прямых врагов, в том числе и тех, что подвизались на ниве философии. Одолеть их на философском ристалище у большевиков не было ни малейшей возможности хотя бы по причине малого количества философски образованных профессионалов. Поэтому вполне логичным шагом со стороны большевистского руководства была депортация в 1922 году тех интеллектуалов, которые представляли реальную или потенциальную опасность для советской власти. Только не надо с видом оскорбленной невинности заявлять, что такая высылка «культурного цвета нации» – неслыханный, беспрецедентный акт варварства, проявление тоталитарной сущности советского строя и т.д. Лучше задаться вопросом, что случилось бы с репрессированными интеллектуалами, останься они в советской России. Нет ни малейшего сомнения в том, что их судьба была бы куда менее благополучной, чем она в реальности оказалась на чужбине. Так что следует восславить руководство молодой советской республики за то, что оно сберегло для человечества таких философов, как Л.С. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др. За границей они имели полную возможность заниматься творчеством, а мы теперь имеем счастье наслаждаться плодами их трудов. Особенно произведениями И.А. Ильина, ярого антисоветчика и убежденного фашиста. Уж его-то философия никак не идеологизирована, просто ничем не замутненный образец объективности и толерантности. Формат статьи не позволяет углубляться в этот сюжет; те, кто намерены вникнуть в вопрос, могут прочесть другую нашу статью [16].

Зарубежная русская философия советского периода – тоже отражение и порождение советского проекта. Только это отражение недоброжелательное, злобное, карикатурное. И в том нет ничего удивительного: философы русского зарубежья выражали идеологию свергнутых классов, не смирившихся со своим поражением. Органичная для представителей высших классов барская спесь не позволяла им разделить пафоса созидания, которым был охвачен советский народ, пробудившийся от вековой спячки. Было бы крайне странно ожидать со стороны антисоветской эмиграции какой-то попытки благожелательно или хотя бы непредвзято посмотреть на советскую философию. Так, Н.О. Лосский отказывает ей в праве считаться философией. «В СССР, – заявляет он, – диалектический материализм – партийная философия, имеющая дело не с отысканием истины, а с практическими нуждами революции» [17, с. 440]. Возникает закономерный вопрос: а с чем «имеет дело» философия самого Н.О. Лосского? Вот высказанное им суждение, проливающие свет на его собственную позицию: «<...> Советский режим поддерживается небольшой группой коммунистов против воли огромного

большинства населения» [17, с. 421]. А вот еще одно заявление: «Новый общественный строй, которым они (большевики – Р.Л.) намерены облагодетельствовать человечество против воли “облагодетельствованных”, с гордым сознанием, что они лучше знают, что является благом для народа» [17, с. 437]. В общем, логика Н.О. Лосского такова: если философия «имеет дело» с контрреволюцией, то она свободна от партийных пристрастий. Если же идеологически обосновывает необходимость революционного переустройства общества, то в таком случае она грешит партийностью и на этом основании должна быть лишена статуса философии.

(Заметим в скобках, что Гитлер, планируя нападение на Советский Союз, также полагал, что власть в нем враждебна народу и держится исключительно на голом насилии. Вопрос: с кем был бы Лосский, случись ему находиться в СССР, когда началась Великая Отечественная война?)

Не менее уничижительна оценка советской философии, данная В.В. Зеньковским: «<...> Ничтожная жалкая, трагическая по существу картина обезличенной мысли» [18, с. 334].

Но, как бы ни изощрялись враги советской власти в своем стремлении опорочить и унизить советскую философию, непреложный факт действительности заключается в том, что она и только она была в состоянии стать фактором социалистического созидания. Советская власть имела свой проект преобразования общества, нерасторжимо связанный с марксистской философией. Для идеологического обоснования цивилизационного рывка, который был совершен в советское время, менее всего подходит религиозная философия, поскольку любая религия учит не изменять мир, а примиряться с его несовершенствами. Главная идея любой, самой рафинированной, самой изысканной и утонченной религиозной философии: смиришься, грешный человек, и не вздумай бунтовать против начальства. «Начальство» своей бездарной политикой довело в 1917 году народ до бунта, и большевики направили энергию разрушения в русло созидания, выдвинув советский проект и приступив к его воплощению в жизнь. Благодаря совершенному под руководством большевиков народному подвигу Россия сумела счастливо избежать гибели и в кратчайший по историческим меркам срок превратиться во вторую сверхдержаву мира. Современная Россия остается одной из немногих стран, обладающих реальным суверенитетом. И в том несомненная заслуга «тирана» и «людоеда» Сталина, который, в частности, своевременно озаботился созданием в СССР ракетно-ядерного щита.

Добавим к этому следующее соображение. Конечно, было бы замечательно, если бы удалось обойти без высылки за рубеж отдельных

представителей культурной элиты. Было бы еще лучше избежать трагедии массовых репрессий, втянувших в свой водоворот не только врагов советской власти, но и ее искренних сторонников, в том числе из числа философов. Однако в нашей стране произошла великая революция, а она развивается по своим законам. Через некоторое время после победы революции начинается выяснение отношений между своими, и потомкам остается только развести руками в попытке понять, как такое ожесточение борьбы оказалось в реальности возможно. Вообще хорошо было бы жить в мире без насилия, не знать войны и не ведать трагедий. Но есть объективная реальность, которая не склонна считаться с нашими желаниями и устремлениями, какими бы добрыми и благородными они ни были.

И эта реальность состояла в том, что советская Россия с самого момента своего возникновения находилась в состоянии войны с миром капитала. Не сумев сразу после революции задуть советскую власть в колыбели силой оружия, наши «доброжелатели» из передовых цивилизованных стран Запада развязали против России войну политическую, экономическую и идеологическую. По удачному выражению С.Г. Кара-Мурзы, у нас был *окопный* социализм. А из окопа мир воспринимается несколько не так, как с мягкого дивана в уютном кабинете. Ярость классовой борьбы, которую вел советский народ со своими врагами, не могла не накладывать отпечаток на духовную жизнь, на характер философских поисков и тон дискуссий. Характерна армейская терминология, которая в первые десятилетия советской власти и отчасти в послевоенное время использовалась для обозначения различных видов деятельности. Так, строители не возводили здания, а трудились на строительном фронте. Железнодорожники занимались не обеспечением перевозок, а тем, что служили на железнодорожном фронте, писатели сражались на фронте литературном, а философы, соответственно, на философском. И в таких условиях, разумеется, не до политеса, не до соблюдения академического этикета. И уж тем более не до «плюрализма мнений». В.Н. Порус пишет об этом так: «<...> Термин “критика” в этот (начальный – Р.Л.) период практически вытеснялся другими – из словаря политических схваток; оппонентов не критиковали, а “разоблачали”, с ними не спорили, а “боролись”, причем чаще всего от имени философствующих вождей, мнения которых полагались истиной в последней инстанции. Характерной чертой таких публикаций была не подвергавшаяся сомнению связь между философскими суждениями и партийной, классовой и политической “позицией”: упрек в идеализме был равнозначен уличению в пособничестве врагам революции и мировому империализму» [1, с. 163]. Да, всё именно так и было. Но почему?

В.Н. Порус даже не пытается ставить этот вопрос, не стремится понять причины, обусловившие именно такой, а не иной тип философствования. Однако осуждающая интонация в его суждениях налицо. Морализирующая критика – вот как это называется. А она есть вернейший признак подмены науки идеологией. Коренной принцип науки о прошлом – принцип историзма, который требует судить о минувших событиях и явлениях с учетом характера эпохи, конкретной обстановки. Порицать советскую философию начального периода истории СССР за брутальность стиля и «фронттовую» терминологию это примерно то же самое, что пенять Аристотелю за оправдание рабства и осуждать Петра I за то, что в утро стрелецкой казни он немного поработал палачом. Большевики не были прекрасодушными мечтателями, жившими в мире собственных фантазий, и прекрасно понимали: в случае поражения советской власти все они будут повешены на фонарных столбах. Ничуть не более счастливая участь ждала и профессиональных философов, связавших свою судьбу с реализацией советского проекта. История еще раз подтвердила правоту Гегеля: советская философия начального периода, как и подобает философии во все времена, была постижением эпохи острейшей борьбы новой власти за выживание.

После победы в Великой Отечественной войне и послевоенного восстановления чрезвычайное напряжение в обществе стало понемногу спадать. Залечив раны войны и создав ракетно-ядерный щит, Советский Союз не испытывал более нужды в мобилизационной стратегии развития. Бурные годы смертельных схваток с жестоким и коварным врагом миновали, и жизнь постепенно входила в спокойное русло. Созданный в годы первых пятилеток индустриальный базис позволял направить усилия государства на повышение жизненного уровня трудящихся, решение жилищной проблемы, развитие здравоохранения и образования.

Объективной преградой на вновь открывшемся пути стал сталинизм. Сталинизм сформировался как форма решения проблем чрезвычайной сложности в чрезвычайных обстоятельствах. Разводить демократию в окопах – крайне вредная идея. Окопная жизнь требует жесткой организации, твердого управления, железной дисциплины, беспрекословного подчинения младших старшим. И, конечно, обязательно должен быть самый главный командир, приказу которого подчиняются остальные. Таким командиром и стал Сталин, он сумел оказаться на высоте исторических задач, стоящих перед Россией.

Разумеется, преобразования, произведенные под руководством большевиков, победа в Великой Отечественной войне, реализация атомного и космического проекта и т.п. – все эти результаты куплены очень дорогой ценой. Но кто может назвать цену ниже? Наши предки не

обладали послезнанием, которое есть у нас сейчас, и они исходили из той оценки ситуации, что была им доступна. В случае поражения большевиков нам сейчас не о чем было бы спорить, ибо ни России, ни ее народа тогда бы просто не существовало.

Однако то, что работает в условиях чрезвычайщины, превращается в тормоз, когда поток истории из турбулентного становится ламинарным. Десталинизация была объективно необходима. Но ее провели столь топорно, что фактически сделали неизбежной гибель советского проекта. Формат статьи не позволяет нам вдаваться в этот сюжет. Отметим только, что знаменитый доклад Хрущева на XX съезде КПСС подорвал веру в историческую правоту дела, за которое боролись большевики. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, фактически искажала коммунистический идеал. Акцент в ней делался не на развитии личности как высшей цели общества, а на «все более полном удовлетворении материальных и духовных потребностей». Духовные потребности – материя тонкая, трудно уловимая, а вот материальные – то, что вполне доступно непосредственному созерцанию. И потому вполне закономерно, что с течением времени слова насчет духовных потребностей превращались в ритуальную мантру, а реальной целью оказывался рост благосостояния. Не служение обществу, не следование профессиональному и гражданскому долгу, как в первый, героический, период советской истории, а повышение уровня комфорта. Сквозь завесу из словес о верности марксистско-ленинскому учению в программе КПСС, принятой в 1961 году, проступает мещанский, потребительско-гедонистический идеал. Историческая ситуация изменилась. У поколений советских людей, входящих в жизнь после Победы, появилась реальная возможность вкушать плоды трудов их отцов и дедов. Прежнее напряжение борьбы спало, ощущение смертельной опасности, ежеминутно грозившей стране и обществу, прошло.

И вот тогда проявились в полной мере результаты тех усилий, что были предприняты с целью подъема культурного уровня народа. Именно в эти годы Советский Союз стал самой читающей страной мира, были сняты киношедевры, высочайшего расцвета достигла советская эстрада, написаны блестящие литературные произведения в прозе и стихах... (И все это, заметим, в условиях цензуры.) Аналогичные процессы протекали и в философии. Приведем свидетельство В.А. Лекторского: «В нашей философии в эти (послевоенные – Р. Л.) годы наряду с догматиками и приспособленцами творили выдающиеся, яркие личности, связанные с культурой России и культурой мировой, с гуманитарным и естественно-научным знанием. Мы только сегодня начинаем понимать и ценить то, что было сделано в эти годы и что сегодня оказывается

актуальным» [19, с. 24]. С этим высказыванием невозможно не согласиться, но только хочется спросить: а были в истории хоть когда-нибудь времена без «догматиков и приспособленцев»? без более или менее искусных имитаторов? посредственностей и откровенных халтурщиков? Главный вопрос состоит в том, кому благоволит эпоха: подлинным творцам или тем, кто ими притворяется? В такой плоскости В.А. Лекторский вопроса не ставит.

Советские философы творили в условиях идеологической цензуры – таков неоспоримый факт. Но в таком же точно положении находились и все остальные мастера культуры: писатели, художники, кинематографисты. И в таких «ненормальных», «античеловеческих» обстоятельствах в нашей стране в советское время было создано подлинное искусство высокого гуманистического накала. Когда советский проект прекратил существование, обстоятельства кардинально изменились. Оковы цензуры были сброшены, и перед творцами культуры открылась полная возможность сказать, наконец, то, о чем им приходилось все долгие годы «тоталитарной диктатуры» помалкивать. Солнце свободы взошло над нашими головами более тридцати лет тому назад. И где шедевры? Где мощные творения духа? Где те прекрасные образы, великие идеи, которые не давала довести до сознания людей жестоковейшая советская власть?

В России ныне второе издание капитализма, и при этом общественном строе необходимости в официальной цензуре в принципе нет, ибо ее с большим успехом заменяет цензура рынка. И эта последняя работает на понижение. Настоящая, высокая культура требует для своего восприятия труда души и ума. Человек должен предпринимать постоянные усилия, чтобы двигаться по внутренней вертикали вверх. Но мотор капиталистической экономики принуждает людей не просто потреблять, а жить ради потребления, ради удовольствия, наслаждения, кайфа. Потребительско-гедонистический жизненный идеал способствует формированию индивида, который готов удовлетвориться самой примитивной духовной жвачкой. Зачем такому человеку читать Толстого? Или, например, Бердяева? Занятие это отвлекает от дел, мешает достижению главной цели жизни. Приобщение к высокой культуре в современном буржуазном обществе становится уделом одиночек, плывущих против течения.

Философия с определенной точки зрения – одна из отраслей духовного производства. В рамках советского проекта она была жизненно необходима как средство приобщения народа к высшим свершениям культуры. Литература, театр, кинематограф, живопись – таковы другие средства для достижения того же самого. Эта востребованность

философии в рамках советского проекта и стала причиной ее подъема (и, рискуя утверждать, расцвета) в последнее тридцатилетие существования СССР. Конечно, продолжали действовать прежние доктринальные установки, требующие неукоснительно придерживаться требований марксистской методологии. Но людей, которые отклонялись от ортодоксии, воспринимали уже не как врагов, а как заблуждающихся. Постепенно рамки этой ортодоксии расширялись, и дело дошло до того, что под видом марксистских стали излагаться идеи, имеющие с марксизмом мало общего. Это процесс описан В.В. Корякиным как деградация марксизма [20]. Классический пример – творчество М.С. Кагана, автора многих сочинений, в том числе и книги «Основы марксистско-ленинской эстетики» [21]. Когда советский проект был свернут, многие авторы, обильно уснащавшие свои труды ссылками на классиков марксизма-ленинизма, открестились от диалектического материализма. Упомянутая выше статья М.К. Петрова опубликована в 1969 году, автор за нее был исключен из партии и лишен права преподавать философию. Наказание суровое, слов нет. Но его не арестовали, не судили, не приговорили к заключению, как некоторых его коллег, творивших в довоенный период. Если бы эта статья увидела свет в 1979 году, то, скорее всего, М.К. Петров сохранил бы и партбилет, и возможность работать по профессии. Та же статья, появившись она в печати в 1989 году, не привлекла бы к себе никакого внимания. В ту пору горбачевско-яковлевский агитпроп развернул артобстрел сознания народа из всех медийных калибров, сенсации сыпались как из рога изобилия, и какая-то статья о какой-то античной философии мало кого могла заинтересовать. Хронологически советская эпоха еще продолжалась, но по сути она уже закончилась. Советский мещанин одержал верх над советским романтиком. Когда переворот совершился и дым сражения рассеялся, обнаружилось, что весь интеллектуальный ландшафт стал иным. Вектор движения общества изменился на сто восемьдесят градусов. Россия начала свое «возвращение в лоно мировой цивилизации».

Идеология, естественно, никуда не девалась, т.к. государства без идеологии быть не может. Никуда не исчезла и потребность социальных верхов в идеологическом воздействии на народ. Но только особой нужды в философии больше не существует. Теперь она – умная ненужность, замысловатая игрушка для высоколобых интеллектуалов. А для удовлетворения духовных запросов человека массы имеются надежные, проверенные средства попроще: маскульт, религия, эзотерика и т.п. Именно они и выступают в новых условиях главными инструментами идейного окормления масс. Нет теперь и цели воспитать человека, способного к самостоятельному мышлению. Наоборот, цель

послесоветской системы образования – формирование частичного индивида, приспособленного к выполнению сверхузких функций. В *такой* системе образования философия не нужна вообще. Но отменить преподавание философии в условиях современной России не более реально, чем, например, отказаться от оплаты больничных листов. Множить источники недовольства не в интересах власти. Есть более щадящие способы понижения статуса философии. Самый простой из них – сокращение объема часов, выделяемых на преподавание философии в вузах. Второй – столь же простой и не менее эффективный – повышение учебной нагрузки. Интенсивность преподавательского труда в послесоветский период значительно возросла, а зарплата преподавателей снизилась. Происходит маргинализация всего преподавательского сообщества, философов в том числе. И если в советские времена должность профессора была престижной и высокооплачиваемой, то в современной России дело обстоит далеко не так. Взоры российской молодежи обращены в настоящее время к другим, более перспективным в плане карьерного роста, сферам деятельности: бизнесу, ИТ, государственной службе.

Процессы внутри философского сообщества также не дают повода для оптимизма. Когда (в 80-е годы) стало понятно, что продемонстрировать приверженность марксизму более нет нужды, некоторые философы повели себя как дети, оставшиеся без надзора взрослых. Часть философов прислонились к авторитету неотрейдивистов, часть избрала в качестве своего гуру Хайдеггера, кто-то узрел свет истины в русской религиозной философии, отдельные философы в веберизме, некоторые в гуссерлианстве, а иные спрятались от реальности на Канатчиковой даче постмодернизма. Немало оказалось и таких, что предпочли с головой окунуться в мутные воды эклектики. Но определенная часть философов (в том числе и автор настоящих строк) сохранила верность марксизму.

В результате произошедших перемен резко изменилась коммуникативная среда внутри философского сообщества. Она перестала быть единой, распалась на маленькие замкнутые группки. Членам этих групп безразлично, что происходит во внешнем мире. Вот, например, блестящая статья С.Н. Корсакова, опубликованная в журнале «Вопросы философии» [22]. Автор излагает в ней оригинальный взгляд на русскую философию, отличный от мнения большинства. Система РИНЦ зафиксировала, что за 8 лет на эту статью сделано 15 ссылок. И это еще много, на большую часть публикаций в этом журнале ссылки единичны или вообще отсутствуют. В других философских изданиях, не столь известных и престижных, ситуация еще хуже. И хотя теперь никакой официальной цензуры нет, ветер истории не надувает более паруса

русской философии. Она неуклонно смещается на периферию общественного сознания и становится малозначительной деталью культурного пейзажа.

Конечно, русская философия не прекратит свое существование. В обществе всегда есть люди, которые формируются не благодаря обстоятельствам, а вопреки им. Обязательно найдутся юноши и девушки, которым будет не интересна духовная жвачка масскульта, которым захочется приобщиться к мудрости, запечатленной в философских текстах. В том числе и в тех, которые созданы советскими философами. Потомкам оставлено обширное культурное наследие. Неравноценное, как всякое наследие такого рода. Что-то из него устарело уже в момент своего появления, что-то будет предано забвению в обозримом будущем, но непременно останутся и произведения, что пополнят фонд мировой философской классики. Именно на них и будет опираться та молодежь, которой предстоит продолжить развитие русской философии.

Список литературы

1. Порус В.Н. Феномен советской философии // Высшее образование в России 2006, № 11. С. 154–166.
2. Петров М.К. Предмет и цели изучения истории философии // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 126–136
3. Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2022, Вып.1. С. 78–90.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 419–459.
5. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т.41. С. 299–318.
6. Лившиц Р.Л. Не по чину // Советская Россия, 14.01.2010. № 2.
7. Мотрошилова Н.В. Современные штампы и предрассудки в суждениях о философии и гуманитарной культуре советского периода // Философские науки, 2015. № 4. С. 65–80.
8. Климова С.М. Философия сознания и осознание философии в интерьере советской эпохи // Философские науки. 2020. Т. 63. № 5. С. 126–148.
9. Интервью с В.А. Лекторским по истории советской философии//Идеи и идеалы № 2(16). Т. 1. 2013. С. 168–175.
10. Ленин. Философия. Современность. М.: Политиздат. 1985. – 447 с.
11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т.18. С. 9–423.
12. Лившиц Р.Л. Демаркация науки и идеологии в социально-гуманитарном познании // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3(23). С. 64–74.
13. Лившиц Р.Л. Что нам нужно? Ответ Б.В. Григорьеву // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 1(25). С. 184–189.
14. Лившиц Р.Л. Имитация науки. Полемические заметки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2021. – 378 с.
15. Тарасов А.Н. Из переписки с Михаилом Немцевым (2005).
URL: <http://saint-juste.narod.ru/nemcev.html> (дата обращения 07.09.2023)
16. Лившиц Р.Л. Философский урок философского парохода// Новые идеи в философии. № 7(28). С. 207–216.

17. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Советский писатель. 1991. – 480 с.
18. *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2-х тт. Ростов/Дон: Феникс-АСТ. 1999. – 544 с.
19. *Лекторский В.А.* Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. М.: РОССПЭН. – 470 с.
20. *Корякин В.В.* Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2019. Вып.1. С. 29–43.
21. *Каган М.С.* Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. – 766 с.
22. *Корсаков С.Н.* Мифы и истины русской философии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 69–85.

THE SOVIET PROJECT AND THE DESTINY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Rudolf L. Livshits

Freelance Researcher

Gatchina, Leningradskaya oblast', 188006, Russia

The Soviet project is considered a continuation and furtherance of the Enlightenment project that aimed at the triumph of reason. Generally, the aim was to create a rationally organised society that relied on evidence-based logic rather than irrational beliefs. The thesis is supported that Russian philosophy during the Soviet era was a creation and reflection of the Soviet project. As well as Russian philosophy is a significant factor in the implementation of the Soviet project. Russian philosophy abroad at the time also reflected this, but only in a highly critical and sometimes caricatured way. The high public status of philosophy in the USSR is not an accident of history, not a mistake of the political leadership, but a natural expression of the essence of the Soviet project.

After Russia's reintroduction to the world stage, there is no necessity to maintain this status. Philosophy then becomes an “intellectual superfluity”. In the current social landscape, the responsibility for intellectual development of the general population is delegated to other forms of social consciousness and cultural phenomena, which are not oriented towards the formation of an independent thinking personality. The Russian philosophical tradition will not disappear, as the need for philosophical comprehension of the world is endless, and there will always be individuals who take an interest in philosophy.

Keywords: Russian philosophy of the Soviet period, Soviet project, social status of philosophy, education system.